

I. НЕПТУН

Стояли последние ясные деньки бабьего лета, и я старался чаще выбираться из моего подземелья. Жмурясь, сидел на скамейке, улыбался...

Подолгу сидеть не получалось, меня то и дело отвлекали посыльные от Кустаря, взмыленные и непоседливые. Вздохнув, я поднимался и, бренча ключами, спускался по длинной лестнице в Инструментальную, выдавал инструменты:

— Крестик в графу «Художественная мастерская». — Они робко ставили крестик. — Имя в графу «Ответственный». — Они колебались: чье имя?.. мое?.. Ах, нелепые!.. Я помогал наводящими вопросами: — Ну, кто у нас ответственный?.. Кустарь, наверное?.. — Они гулко выдыхали «да», писали его имя. — И свою подпись — здесь, вот так. Вернуть не забудьте до конца недели, а то пеню включу, — шутил я, некоторые понимали мой юмор, но чаще не реагировали. — У меня все как в библиотеке, — говорил я и, покачав головой, спрашивал: — Ну, что там Кустарь опять мастерит?

Никто ничего толком сказать не мог, повторяли одно: взрыв мозга, реальный взрыв мозга.

Вскоре они совсем перестали говорить, без слов давали мне список необходимых инструментов, я требовал звонки уже выданных, они смотрели стеклянными глазами, как бывает с людьми под каким-нибудь воздействием, после контузии, долгой бомбежки — «взгляд на тысячу миль» — или в сильном ошеломлении, — я склонялся в пользу ошеломления.

Наконец, не выдержал, решил сам посмотреть (под предлогом вернуть инструменты и сделать всем выговор), выбрал день посветлей и отправился в парк аттракционов.

Возле гостиницы была суета; визг дрели, работа шлифовального станка и удары молотков. К заляпаным пальцами стеклянным дверям парадного входа приставили позолоченные столбики с бордовыми кистями (кое-где торчат ошметки коричневой оберточной бумаги, в которой они прибыли). Над козырьком появились первые три буквы названия — *Т А L...*

Переваливаясь и покачиваясь, потихоньку вползала наверх светодиодными трубками прошитая, блестящей краской раскрашенная, новенькая буква *L*. Два неуклюжих мужичка в синих комбинезонах подталкивали ее снизу, несмело поднимаясь по лесенкам. Наверху третий, приговаривая «Осторожней... Осторожней...», тянул на себя. Вот буква качнулась сильнее — веревка вздрогнула...

— Осторожней, дебилы! — сипло рывкнула Хозяйка из окна своего офиса. — Куда? Держать! — надрывалась безумная кукушка. — Не роняй! Смотри у меня! Каждая буква сто двадцать пять евро стоит! Уроните — взыщу с каждого!

Спрятав улыбку в носовой платок, я ухожу, пока меня не заметили.

К бару *Holy Gorby* подвел туристов Валентин по прозвищу Косой. В форме советского офицера с плащ-палаткой на плечах, с длинным нескладным зонтиком, он вышагивал

с очень важным видом, как если бы не принадлежал поселку и не получал деньги там же, где и все.

— *Meine Damen und Herren, dorth sollen wir gehen! Tuefelsrad!*¹ — Валентин зонтиком указал в направлении Чертова колеса, которое блестело в лучах яркого солнца (мимо плыли фигурные облака). Кто-то из гостей сказал, что в их планы не входили аттракционы. — Мы не будем кататься, — заверил их Косой. — К тому же оно нерабочее. Но идти нам туда! Там — самое главное.

Косой прав, там — самое главное, туда я и иду. Сейчас постою, посмотрю на туристов — редко к нам приезжают такие пригожие — и пойду.

— Дамы и господа, — продолжал Валентин бодрым голосом, — сейчас мы зайдем в обменник, где вы сможете приобрести советские рубли, которые здесь в обиходе. Сюрприз! В баре *Holy Gorby* вы можете пообедать настоящей советской едой, выпить советского кофе или пива «Жигулевское», «Ячменный колос»... и расплатиться советской валютой... Вы сможете приобрести сувениры...

Веселые туристы, не дослушав его рекламной реплики, побежали приобретать советские рублики. Все еще механически выбалтывая заученные фразы, Валентин поправлял гимнастерку, как настоящий военный, и наконец, заметив меня, умолк. Пожилой чистенький немец в резиновых зеленых сапогах и легком оранжевом дождевике сделал пару вспышек на восковую статую генсека и с вкрадчивым шелестом вошел в бар.

— Опять *'I like Chopin'* крутят, — сказал Косой, угощая меня сигаретой. — Не знаешь, что Кустарь химичит?

Я сказал, что не знаю, иду смотреть; закурили.

— Если покажет, — сказал он скептически.

¹ Мои дамы и господа, наш путь лежит туда! Чертово колесо! (нем.)

— Ну, не покажет, так не покажет. Когда-нибудь все равно увидим.

— Все инструменты у меня перетаскали. Те, что у тебя не нашлись, у меня отыскали. И чего он придумал? Краски, целлофан, провода... желатин... Зачем ему желатин?

— Не знаю, не знаю... — сказал я, подавляя зуд любопытства. — Гадать не берусь.

— Какая-нибудь очередная каверза...

Совершенно непонятно, что он хотел назвать «каверзой». Кустарь по-доброму изобретателен, никогда никому подлости не делал.

Валентин припомнил фейерверк, которого я не видел, — он случился до того, как я начал сюда ездить. Во двор Валентина залетела шутиха, разорвалась посреди хлама, который он насобиравал и выставил на продажу. Сгорела куча тряпья, подумаешь! В стельку пьяный Косой валялся в своем подвале, надрался самогона и спал, но винит в «поджоге имущества» Кустаря...

— Я чуть не угорел тогда, — злопыхает он и щурится, и это прищур стариковский, зубы у него желтые, редкие, он сильно усох за последние годы, хоть здешняя жизнь — беззаконие да беспорядок — ему только на пользу, он, можно сказать, расцвел тут, почувствовал себя хозяином, на нем многое держится, хмыри его уважают, однако время берет свое, Косой окукливается потихоньку.

Хотел с упреком сказать, что инструменты возвращать надо, но Косому такие вещи говорить не имело смысла: он патологически ничего не возвращал. Ну, скажу я ему... что толку? Он обидится, недели две волком смотреть будет. В нашей шараге такие люди подобрались — их уже ничто не переделает. Им всем, кроме меня, за пятьдесят. Разборы ни к чему, кроме ссор, не приведут, а ссориться у нас умеют...

— Ну, давай, — киваю, ухожу. С ним можно посидеть, выпить; он, бывает, загнет, я слушал и готов слушать его истории, но, в принципе, с ним все кончено.

А вот Кустарь — это совсем другой характер, еще неразгаданный, другая натура, другая судьба, которую он еще не развернул перед нами, потому как больше молчит, больше вздыхает или говорит о своих изобретениях, о сопротивлении материала, много рисует, занимается сигнализацией и камерами видеонаблюдения, чинит все, что ломается, дает бытовые советы, умеет и знает, кажется, все и любит всех поразить.

Вынашивая какой-нибудь план, он надолго запирается в мастерской. Все спрашивают: где Кустарь?.. не видели Кустаря?.. Узбеки за картами и нардами заскучали без него. Тобар, наливая пиво, скажет: куда-то пропал наш мастер... Давненько его не видали, откликнется Губа за столиком. Я отправлялся на поиски. Находил его в мастерской — с трубкой в зубах лежа на полу, весь в опилках и стружке, он вертел какую-нибудь мелочь, катал по полу гайку или запускал волчком часовое колесико, возил пальцем в опилках, рисовал на клочках бумаги завитушки, линии, контуры; когда его не было в мастерской, я уходил не сразу, замороженный покоем инструментов, я пытался уловить момент, когда их оставили, гадал, почему бросили или положили таким образом. Проверял ведерки — была ли в них краска, остается еще или давно засохла; не забыл ли он кисти или сигарету; что появилось нового, не загибается ли на глаголи скелет новой статуи. Однажды меня поразило красивое чернильное пятно на свежей доске, я не удержался, понюхал и даже зажмурился от удовольствия. Если в мастерской его не было, я шел в сад, там, в глубине, за кустами смородины, у него было тихое солнечное место на плитняке. Там он пил вино, задумчиво глядя вдаль; или покачивался в гамаке с кошкой на руках. Я приветствовал

его. Повеяв бровью, он лениво кивал в сторону столика. Во все сезоны, под дождем и снегом, на трех ногах под старой яблоней стоит облезлый деревянный столик. На нем бутылка с красным вином из черноплодки или смородины, пепельница, полная окурков, рюмки, кружки, кофейник, стаканы и так далее. «Налей себе сам, присоединяйся», — говорил Кустарь. Толку от его предложения никакого — потому что присоединиться к нему в такие дни невозможно: он будет гладить кошку, думать о чем-то своем, а ты будешь пить в одиночку. Я пил его вино, курил его трубку, что-нибудь спрашивал, он добросовестно отвечал, но по-прежнему отсутствовал, и я понимал: ага, новый замысел... Я думал: вот бы найти лазейку, заглянуть в него, узнать, что он задумал... Побыв в таком отсутствующем состоянии несколько дней, он начинал потихоньку двигаться, заводился, хмуро бродил по лесу и поселку, бурча себе под нос, ездил куда-нибудь, что-то искал, собирал материал, притаскивал в свою мастерскую. В такие дни он не участвовал в жизни коммуны, он на всех чихать хотел: он не станет надевать маску и идти в поле, даже если приехали клиенты и готовы платить хорошие деньги, а в роте не хватает людей; плевать на деньги, скажет он, ему плевать на ваши заморочки, он занят, Кустарь в поиске, он работает, у него дела поважней, говорил он и шел в Инструментальную, перебирал инструменты в странной задумчивости. Он мог накричать на меня, если я задавал ему под руку вопрос, даже если я хотел помочь... Помочь?! Кто — я? Ха, как я мог ему помочь! Я, бесполезный кусок фанеры, как мог помочь ему, мастеру?! Я не обижался. Кустарь был прав — как мы могли ему помочь? Мы же не знаем, что в его голове происходит. Мы можем только наблюдать и ждать. Кустарь хватал что-нибудь и со словами — «Вот это мне и нужно, точно!..» — уходил, щелкая зубами, словно кусачками. Некоторое время спустя мы

слышали визг пилы или ворчанье дрели, удары молотка — сперва неуверенные, молоток будто подбирался к чему-то, ломал лед, сбивал с грубой материи куски, нащупывая нежную жилку замысла, в которую можно было бы вонзить сверло и буравить. День-другой стояло молчание всех инструментов, только играла музыка, и мы догадывались: настроение у Кустаря улучшилось — он близок к чему-то... После музыки слышались четкие, нацеленные, длинные серии ударов, напористое сверление, и я понимал: ага, он сколот с материи шлак, подобрался к форме...

Кустарь живет и творит в своей мастерской рядом с казематами, в которых квартирует отряд зомби Эрки Кенёсина.

От автобусной остановки до казематов больше километра — тут и странные улицы с советскими названиями, и заброшенные дома, кинотеатр с выцветшей афишей из советского времени («ХЛЕБ, ЗОЛОТО, НАГАН...»), где при желании вам могут включить старый фильм, показывать его будут, конечно, с диска, но качество будет таким, что вы поверите, будто над вашей головой в своем гнезде сидит киномеханик и следит за работой кинопроектора, вам даже устроят обрыв пленки; и дым папиросы тоже будет идти из окошечка операторской. Задолго до поворота к аттракционам слышится режущая ухо индустриальная музыка, в которую вплетены вопли и вой из хорроров. Уже в леске видны первые колышки старого забора, на ветках покачивается рваная одежда, из окровавленных сапог торчат набитые тряпками штаны, точно это чьи-то ноги, костями и черепами таращатся знаки, страшат рукотворные надписи: «ОСТОРОЖНО!», «СМЕ...ЛЬНО ОПАСНО!». Плохо покрашенный забор прихвачен старой ржавой колючей проволокой. На кольях забора противогазы и маски с приклеенными волосами (для правдоподобия), в таких же масках тут люди изображают мертвяков.